

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Научная статья

УДК 332.1(5)

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-8-18

Тенденции экономического развития в странах СВА-3 (КНР, Япония, Республика Корея) в 2022–2023 гг.: влияние геополитической напряженности и разнородных рисков

Денис Владимирович Суслов

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, Хабаровск, Россия

suslov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5866-4369>

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции и проблемы экономического развития в трех странах Северо-Восточной Азии (СВА-3: КНР, Япония, Республика Корея) в постпандемийный период (2022–2023 гг.). Установлено, что в рассматриваемый период восстановительная динамика и тренды развития экономик стран СВА-3 были инвариантны к геополитической напряженности в мире и находились под влиянием макроэкономических условий, а также секторальных, инвестиционных, финансовых и торгово-экономических рисков как внутреннего, так и внешнего характера. Показано, что в этих странах на рубеже 2022–2023 гг. произошло формирование устойчивых макроэкономических трендов. В КНР формируется тренд понижения темпов экономического развития до 5% в год. Для Японии и Республики Корея факторами, сдерживающими темпы экономического роста (не превышающего 2% в год), являются перегрев внутренних рынков потребительских товаров и недвижимости, уменьшение положительного влияния внешних взаимодействий на внутреннее развитие, а также негативная демографическая динамика.

Ключевые слова: КНР, Япония, Республика Корея, экономическое развитие, ВВП, тренд, геополитическая напряженность, риски

Для цитирования: Суслов Д. В. Тенденции экономического развития в странах СВА-3 (КНР, Япония, Республика Корея) в 2022–2023 гг.: влияние геополитической напряженности и разнородных рисков // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 8–18. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-8-18>

Economic development's trends in the NEA countries (PRC, Japan, Republic of Korea) in 2022–2023: the impact of geopolitical tensions and heterogeneous risks

Denis V. Suslov

The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

suslov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5866-4369>

Abstract. The article shows trends and problems in economic development in the NEA countries (PRC, Japan, the Republic of Korea) in the post-pandemic period (2022–2023). It was argued that during the period under review, the recovery dynamics and

development trends of the NEA economies were invariant to geopolitical tensions in the world and were influenced by macroeconomic conditions, as well as sectoral, investment, financial and trade and economic risks of both internal and external nature. It has been showed that at the turn of 2022–23 the formation of more stable macroeconomic trends in NEA countries took place. In China, a trend is emerging towards a decrease in the rate of economic development to 5% per year. For Japan and the Republic of Korea, factors limiting economic growth rates (not exceeding 2% per year) are overheating of the domestic markets for consumer goods and real estate, a decrease in the positive impact of external interactions on domestic development, as well as the negative demographic dynamics.

Keywords: China, Japan, Republic of Korea, economic development, GDP, trend, geopolitical tension, risks

For citation: Suslov D. V. Economic development's trends in the NEA countries (PRC, Japan, Republic of Korea) in 2022–2023: the impact of geopolitical tensions and heterogeneous risks // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 8–18. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-8-18>

Введение

Основной задачей настоящей статьи является рассмотрение трендов, рисков и краткосрочных перспектив экономического развития, которые сложились в крупнейших экономиках Северо-Восточной Азии – КНР, Японии, Республике Корея (далее – СВА-3) в постпандемный период (2022–2023 гг.).

Статистической базой проведения исследования явились данные международных организаций, ведущих мониторинг развития национальных экономик: ООН, ОЭСР, МВФ, Всемирного банка. Полученные ими предварительные оценки мирового экономического развития в 2023 г. показывают, что оно столкнулось с рядом проблем, не позволяющих национальным экономикам вернуться к тенденциям устойчивого поступательного восстановления в постпандемный период.

Так, в докладе Всемирного банка «Перспективы мировой экономики» [World Bank, 2023 January], опубликованном в начале 2023 г., отмечалось, что мировая экономика переживает резкое и продолжительное замедление. Прогноз прироста мирового ВВП на 2023 г. был снижен до 1,7% с 3,0%, ожидаемых всего шесть месяцев назад. Это был третий по минимальной величине темп прироста мирового ВВП почти за три предыдущих десятилетия, он был лишь немногим выше, чем показатели во время глобальной рецессии в 2009 г. и 2020 г.

В январе 2023 г. были опубликованы и другие документы авторитетных международных организаций. Так, ООН был

опубликован доклад «Мировое экономическое положение и перспективы в 2023 г.» [UN, 2023], в котором прогнозировалось, что темпы прироста мировой экономики в 2023 г. составят 2,9%. Аналогичные по значению данные были приведены также в докладе МВФ «Перспективы развития мировой экономики» [IMF, 2023].

В середине 2023 года представленные январские ожидания были подкорректированы. По прогнозам мировой экономической рост значительно замедлится во второй половине 2023 г., при этом предполагалось, что такие тенденции сохранятся и в 2024 г. [IMF, 2023 June, World Bank, 2023 June].

В обновленных прогнозах октября 2023 г. МВФ [IMF, 2023 October] серьезного пересмотра для общемировых темпов роста также не произошло – они остаются на уровне 3,0% в 2023 г. и 2,9% в 2024 г., что ниже средних темпов за 2000–2019 гг. (3,8%).

Таким образом, основным прогнозом ведущих международных организаций была безусловная оценка того, что глобальный экономический рост в 2023 г. останется слабым.

В таблице 1 приведены фактические данные по темпам прироста ВВП по странам, объемы мировой торговли и мирового ВВП в 2020–2022 гг. и их прогнозные значения на 2023 г. от международных организаций. Скромные оценки мировой экономической динамики объясняются тем, что она остается под давлением повышенных цен на энергоносители, инфляции, эффектов жесткой денежно-

кредитной политики в развитых странах, роста геополитической напряженности и рисков деглобализации и фрагментации мировой экономики и торговли [Aiyar, 2023, Alvarez, 2023, Goldberg, 2023].

Экономики стран СВА столкнулись с тяжелыми внешними условиями: геополитическая напряженность и пандемия оказали большое негативное влияние на азиатскую экономику. Однако процессы в отдельных национальных экономиках были сильно дифференцированы.

Тенденции экономического развития Китайской Народной Республики

Крупнейшей в Северо-Восточной Азии, а также и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе является экономика Китайской Народной Республики. Для неё в рассматриваемый период было характерно, что темпы роста ВВП за последние несколько лет претерпели очень заметные колебания. Так, в 2019 г. они составили 6%, а в 2020 г. из-за пандемии резко понизились до 2,2% (минимальный показатель за последние более чем 40 лет), а в 2021 г. резко выросли до 8,1%.

После снятия ковидных ограничений, как показывают экспертные оценки, рост ВВП постепенно станет возвращаться к потенциальному уровню. В этой стране в краткосрочном периоде прогнозирует-

ся повышенная динамика развития, что происходит главным образом благодаря успешному восстановлению экономики.

Так, согласно отчету «Перспективы глобальной экономики» [World Bank, 2023], фактические темпы прироста ВВП КНР в 2023 г. прогнозируются на уровне 4,3%.

В докладе ООН «Мировое экономическое положение и перспективы на 2023 год» [UN, 2023] дается более высокая оценка. В нем говорится, что по прогнозам по мере ослабления ограничений по COVID-19, а также проведению денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики китайский ВВП вырастет на 4,8% в 2023 г.

Отчеты МВФ «Перспективы развития мировой экономики» [IMF, 2023], обновляемые в течение 2023 г., предлагают еще более оптимистичный взгляд на экономику Китая. Так, по этим прогнозам начала 2023 г. темпы прироста ВВП Китая достигнут 5,2%, и на этой основе темпы роста ВВП Восточной Азии в 2023 г. увеличатся до 4,5%.

Близкие значения были установлены в середине 2023 г. экспертами ОЭСР [OECD, 2023]. Ими прогнозировалось, что экономический рост КНР восстановится до 5,4% в 2023 г. и до 5,1% в 2024 г. (табл. 2).

Таблица 1

Темпы прироста ВВП по странам, мировой торговли и ВВП в 2020–2023 гг., %

Страна / показатель	2020	2021	2022	2023 (прогноз)*		
				ВБ	ОЭСР	МВФ
Китай	2,2	8,5	3,0	5,6	5,4	5,2
Япония	-4,2	2,2	1,1	0,8	1,3	1,3
Республика Корея	-0,7	4,1	2,6	Нет данных	1,5	1,5
Справочно						
США	-2,8	5,9	2,1	1,1	1,6	1,6
Индия	-5,8	9,1	6,8	6,3	6,0	5,9
ВВП мировой	-3,1	6,3	3,4	2,7	2,7	2,8
Торговля мировая	-8,2	10,7	5,1	1,7	Нет данных	2,4

Источник: составлено по базе данных МВФ URL: www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October/download-entire-database (дата обращения: 01.11.2023); * - прогнозы на 2023 г. по данным Всемирного банка и ОЭСР – июнь 2023 г., прогноз МВФ – апрель 2023 г. World Bank. 2023. *Global Economic Prospects, June 2023*. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-1951-3. P. 3–42; OECD Economic Outlook, Volume 2023 Issue 1. doi: doi.org/10.1787/ce188438-en; International Monetary Fund. 2023. *World Economic Outlook: A Rocky Recovery*. Washington, DC. April.

Таблица 2

Структура и динамика ВВП КНР в 2020–2024 гг.

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023*	2024**
	в текущих ценах, трлн юаней	темпы прироста, % (в ценах 2015 г.)				
ВВП в рыночных ценах	98,7	2,2	8,4	3,0	5,4	5,1
Конечный внутренний спрос	97,7	2,1	6,8	2,8	6,2	5,0
Экспорт товаров и услуг	18,2	1,1	15,7	-4,0	0,2	5,8
Импорт товаров и услуг	17,3	-0,1	7,6	-6,7	3,9	5,3
Чистый экспорт ¹	0,9	0,2	1,8	0,3	-0,6	0,3
Справочно						
Дефлятор ВВП	-	0,5	4,6	2,2	2,5	2,2
Индекс потребительских цен	-	2,5	0,8	1,9	2,1	2,0
Дефицит бюджета расширенного правительства ²	-	-7,0	-6,6	-6,7	-6,7	-6,6
Общий бюджетный баланс ²	-	-3,7	-3,0	-2,8	-3,0	-2,8
Текущий счет платежного баланса (% ВВП)	-	1,7	2,0	2,2	2,5	2,4

Примечание: * оценка; ** прогноз

¹ вклад в изменение реального ВВП, в первой колонке представлен реальный объем; ² как процент ВВП. Включает остатки всех четырех бюджетных счетов (общий счет, фонды государственного управления, фонды социального страхования и счет управления государственным капиталом). Общий бюджетный баланс – это официальный баланс, определяемый как разница между доходами и расходами. Доходы включают в себя: общие доходы бюджета, доходы центрального стабилизационного фонда и корректировку субнационального бюджета. Расходы включают в себя: общие бюджетные расходы, пополнение центрального стабилизационного фонда и погашение основной суммы субнационального долга.

Источник: составлено по OECD (2023), *OECD Economic Outlook, Volume 2023 Issue 1*, OECD Publishing, Paris, doi: doi.org/10.1787/ce188438-en (дата обращения 11.09.2023).

В основе происходящих позитивных изменений лежит реализация комплексной экономической политики правительства и финансовых властей Китая.

Денежно-кредитная политика Народного банка КНР целенаправленно поддерживает восстановление и обеспечивает адекватную ликвидность для экономики. Базовая ставка по кредитам оставалась стабильной в первой половине 2023 г., а нормативы обязательных резервов для банков были немного снижены. Отток капитала и обесценивание валюты в 2022 г. были остановлены благодаря восстановлению доверия после «перезапуска» экономики. Рыночные ставки упали больше, чем базовая ставка Центрального банка. После скоординированного снижения ставок по депозитам крупными государственными кредиторами в начале 2023 г.

был введен новый механизм корректировки ставок по первым ипотечным кредитам. Это позволяет местным властям решать, стоит ли отменять минимальный процент по ипотеке в городах, в которых строится новое жилье. Более строгое внедрение кредитных квот на предварительно проданное жилье, более низкие ставки кредитования для покупателей, впервые покупающих недвижимость, и другие меры помогли рынку недвижимости. Теневая банковская деятельность, по всей видимости, стабилизировалась, и кредитное предложение является достаточным. Денежно-кредитная политика стала более благоприятной для развития всех секторов экономики.

Инвестиции в инфраструктуру остаются высокими, а инвестиции в недвижимость стабилизируются благодаря

снижению ставок по ипотечным кредитам и повышению доверия потребителей. Банки развития КНР предоставляют средства, финансируемые за счет облигаций, для осуществления инвестиций, поскольку нехватка средств сдерживает реализацию инфраструктурных проектов. Значительные субсидии по процентам продолжают поддерживать рефинансирование по кредитам предприятий промышленности, социальных услуг, малых и средних компаний и индивидуальных предпринимателей.

Китайская экономика относительно хорошо защищена от потрясений на мировых продовольственных и энергетических рынках. Большие запасы зерна и экспортные ограничения в виде квот будут продолжать смягчать влияние роста мировых цен на внутреннюю инфляцию и снижать риск его дефицита. Спрос на сырье будет поддерживаться на высоком уровне за счет инвестиций в инфраструктуру. Для отопления используется уголь отечественного производства, на который не влияет повышение цен на мировых рынках. Однако Китай больше зависит от импорта нефти и газа. Замещение части импорта сырой нефти подешевевшей нефтью из России сдерживало инфляционное давление, а запасы СПГ также пополняются из российских источников.

Налогово-бюджетная политика в КНР оказывает значительную поддержку экономическому развитию посредством снижения налогов. Налоговые вычеты и льготы для целевых групп оказывают поддержку компаниям и фирмам. Объявляются новые меры политики, направленные на ускорение восстановления экономики, включая налоговые льготы для малых и микропредприятий и ускоренный вычет расходов на НИОКР. Восстановление сектора жилой недвижимости увеличивает доходы бюджета. Часть доходов от специальных местных облигаций, выпущенных в 2022 г., тратится в 2023 г.

Снятие жестких ковидных ограничений высвободило сдерживаемый внутренний спрос на личные услуги (такие как туризм или развлечения), увеличив доходы в этом секторе, сильно пострадавшем от карантинных локдаунов. Активность в таких секторах, включая питание и проживание, резко возросла.

Однако, несмотря на нынешнюю ди-

намику потребления услуг, общее внутреннее потребление сдерживается относительно высоким уровнем безработицы и большим количеством выпускников ВУЗов, вступающих на рынок труда в 2023 г. Медленное создание рабочих мест и более постепенное восстановление потребления остаются ключевыми рисками ухудшения ситуации.

Недавние меры правительства КНР, направленные на создание единого внутреннего рынка, являются долгожданным шагом. Фундаментальные реформы по укреплению системы социальной защиты помогут сократить профилактические сбережения и перебалансировать спрос с инвестиций на потребление. Пенсионное обеспечение и страхование по безработице планируется распространить на все население. Увеличение пенсионного возраста является неотложной задачей, и этот целевой возраст должен быть достигнут в течение короткого периода времени, учитывая относительно большую продолжительность жизни в стране.

Таким образом, китайская экономическая система показывает комплексный подход к решению проблем экономической динамики. С одной стороны, параметры развития за 2020–2023 гг. позволяют сделать вывод о том, что снижение темпов экономического роста в КНР стало уже во многом естественным процессом формирования устойчивого макроэкономического тренда [Цай, 2022]. С другой стороны, в КНР формируется устойчивая инерционная тенденция обеспечения темпов экономического развития до 5% в год, что подтверждается прогнозами международных организаций о перспективах развития экономики КНР в среднесрочной перспективе и предварительными итогами 2023 г. [World Bank, 2022, World Bank, 2023].

Тенденции экономического развития Японии

Несколько другая ситуация складывается в Японии. Для этой страны экспертами ОЭСР [OECD, 2023] прогнозировалось, что реальный ВВП страны вырастет на 1,3% в 2023 г. и на 1,1% в 2024 г. главным образом за счет оживления внутреннего спроса (табл. 3).

Японская экономика развивается быстрее, чем другие развитые экономики,

но не так быстро по сравнению со многими государствами Восточной Азии. С начала 2023 г. прогнозы Всемирного банка, ООН и МВФ показывают, что темпы прироста реального ВВП Японии в 2023 г. составят 1,0%, 1,5% и 1,8% соответственно [World Bank, 2023, UN, 2023, IMF, 2023].

Рост затрат на импорт, вызванный ослаблением иены, и сокращение внешнего спроса оказывают давление на промышленное производство и экспорт Японии. Хотя цены на сырьевые товары снижаются, а замедление ужесточения

мировой денежно-кредитной политики смягчило обесценивание иены, торговый дефицит остается большим.

Внутренний спрос является основным драйвером восстановления экономики Японии. Так, реальный ВВП вырос на 0,4% в 1 квартале 2023 г. по сравнению с 4 кварталом 2022 г. благодаря сильному внутреннему спросу. Несмотря на высокую инфляцию, оказывающую давление на реальные располагаемые доходы, доверие потребителей возросло, а активность домохозяйств, особенно в сфере услуг, неуклонно восстанавливалась.

Таблица 3

Структура и динамика ВВП Японии в 2020–2024 гг.

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023*	2024**
	в текущих ценах, трлн иен	темпы прироста, % (в ценах 2015 г.)				
ВВП в рыночных ценах	557,9	-4,3	2,2	1,0	1,3	1,1
Частное потребление	304,4	-4,7	0,4	2,1	1,5	0,9
Государственное потребление	111,3	2,4	3,5	1,5	0,2	-0,5
Инвестиции в основной капитал	142,5	-3,6	-0,1	-1,1	3,1	2,1
Конечный внутренний спрос	558,2	-3,0	0,9	1,1	1,6	0,9
Создание запасов ¹	1,4	-0,5	0,2	0,4	-0,3	0,0
Совокупный внутренний спрос	559,5	-3,4	1,1	1,6	1,3	0,9
Экспорт товаров и услуг	97,4	-11,6	11,9	5,1	0,9	2,9
Импорт товаров и услуг	99,0	-6,8	5,1	8,0	1,4	1,9
Чистый экспорт ¹	- 1,6	-0,8	1,0	-0,6	-0,2	0,1
Справочно						
Дефлятор ВВП	-	0,9	-0,2	0,2	2,5	1,9
Индекс потребительских цен ²	-	0,0	-0,2	2,5	2,8	2,0
Индекс потребительских цен, базовый ²	-	0,1	-0,7	0,3	2,1	1,7
Уровень безработицы	-	2,8	2,8	2,6	2,5	2,4
Уровень сбережений домохозяйств (% от располагаемого дохода)	-	11,4	7,8	5,4	3,1	2,1
Дефицит бюджета расширенного правительства (%ВВП)	-	-9,0	-6,2	-5,9	-5,3	-3,5
Валовой долг расширенного правительства (%ВВП)	-	240,4	240,2	245,8	246,9	246,9
Текущий счет платежного баланса (%ВВП)	-	2,9	3,9	1,9	2,0	2,0

Примечание: * оценка; ** прогноз

¹ вклад в изменение реального ВВП (в первой колонке представлен реальный объем); ² индекс потребительских цен без учета продуктов питания и энергоносителей

Источник: составлено по OECD (2023), *OECD Economic Outlook, Volume 2023 Issue 1*, OECD Publishing, Paris, doi: doi.org/10.1787/ce188438-en (дата обращения 11.09.2023).

После достижения пика в 4,3% в январе 2023 г. общая инфляция потребительских цен упала до 3,5% в апреле отчасти из-за введения новых субсидий на счета за электроэнергию и городской газ. В дополнение к текущим ценовым субсидиям было осуществлено снижение налога на возобновляемые источники энергии в апреле 2023 г., что еще больше смягчило последствия от энергетического шока 2022 г.

После принятия в октябре 2022 г. стимулирующего экономического пакета, который включил снижение цен на энергоносители и продукты питания (6,3 трлн иен; 1,2% ВВП), в марте 2023 г. правительство реализовало дополнительные меры (2,2 трлн иен; 0,4% ВВП), финансируемые за счет резерва на случай непредвиденных обстоятельств из резервного фонда 2022 года. Они включают единовременные денежные пособия малообеспеченным семьям с детьми и гранты местным органам власти для защиты домохозяйств и местных компаний от высоких затрат на электроэнергию.

Одновременно позитивно выглядит политика в области заработной платы. Текущие решения незначительны: средняя номинальная заработная плата в марте 2023 г. выросла всего на 1,3% по сравнению с 2022 г. Однако сильное влияние на развитие внутреннего спроса имеет результат, полученный на переговорах по заработной плате между основными корпорациями и профсоюзами. Предварительно согласованное повышение базовой заработной платы на 2,1% и общей заработной платы на 3,7% предвещает активизацию внутреннего спроса.

Кроме того, правительство Японии оказывает воздействие на повышение спроса со стороны иностранных туристов. Численность въезжающих в страну постепенно растет, но пока остается значительно ниже уровня 2019 г. отчасти из-за задержки возвращения китайских туристов, на долю которых до пандемии приходилась четверть от общего числа зарубежных посетителей.

В соответствии с базовыми прогнозами ОЭСР [OECD, 2023] по инфляции и заработной плате продолжение смягчения монетарной политики прогнозируется до 2024 г. Такой шаг повысит гибкость и снизит риски резких будущих измене-

ний и должен сопровождаться своевременным и четким информированием о текущей и будущей позиции в реализации денежно-кредитной политики.

Частное потребление будет поддерживаться сбережениями, накопленными во время пандемии, и мерами правительства, несмотря на слабый рост реальных располагаемых доходов.

Тем не менее риски для перспектив восстановительной динамики в Японии остаются значительными. Важным условием активизации экономики страны являются структурные и налогово-бюджетные реформы для обеспечения более устойчивого развития. Риски снижения темпов роста генерируют более слабый, чем ожидалось, внешний спрос и возобновление сбоев в цепочках поставок, а также потенциально резкое изменение денежно-кредитных и финансовых условий. В контексте высокого уровня государственного долга потеря уверенности в финансовой устойчивости Японии может дестабилизировать финансовый сектор и реальную экономику, что приведет к серьезным негативным последствиям для мировой экономики.

Общая потребительская инфляция достигла пика в 3 квартале 2023 г. из-за роста цен на продукты питания и электроэнергию. Несмотря на соглашение об усилении роста заработной платы в крупных компаниях, влияние на совокупную заработную плату будет запаздывающим и меньшим, поскольку малый и микробизнес, которые все еще ведут переговоры по соглашениям о заработной плате, лишь частично последуют этому примеру. По мере ускорения роста заработной платы базовая инфляция будет постепенно увеличиваться и приблизится к 2% во второй половине 2024 г.

Положение на рынке труда останется напряженным, а уровень безработицы снизится до 2,4% в 2024 г. Продолжение реформ на рынке труда, включая равную оплату за равный труд и гибкий график работы, а также улучшение условий по уходу за детьми будет способствовать занятости женщин и сокращать большой гендерный разрыв в оплате труда.

Ожидаемое сокращение численности рабочей силы из-за сокращения и старения населения делает повышение производительности необходимым условием

для поддержания благосостояния населения и финансовой устойчивости экономики в целом. Повышение гибкости рынка труда и снижение барьеров для прямых иностранных инвестиций укрепят динамизм бизнеса.

Однако необходимы дополнительные структурные меры по расходам и доходам, особенно с учетом финансового давления со стороны стареющего населения. Надежная налогово-бюджетная основа также необходима для того, чтобы поставить соотношение долга к ВВП на четкую траекторию снижения. Усилия по бюджетной консолидации должны возобновиться как в расходной, так и в доходной части, включая реформы социального обеспечения и налоговой системы, а также повышение эффективности расходов с достижением цели.

Тенденции экономического развития Республики Корея

Для Республики Корея современная динамическая ситуация является промежуточной по сравнению с ранее рассмотренными странами. Экспертами ОЭСР [OECD, 2023] прогнозировалось, что рост ВВП этой страны сначала снизится до 1,5% в 2023 г., а затем увеличится до 2,1% в 2024 г. (табл. 4).

Как показывают данные, в экономике Южной Кореи в 2023 г. начался медленный рост. Так, реальный ВВП вырос на 0,3% в 1 квартале 2023 г., экспорт и импорт восстановились после глубокого сокращения в 4 квартале 2022 г. Происходящие изменения являются следствием того, что макроэкономическая и денежно-кредитная политика в Корее стратегически ужесточается.

Банк Кореи осуществил значительное повышение основной учетной ставки с 0,5% в августе 2021 г. до 3,5% в январе 2023 г. При этом предполагается, что такой уровень останется до второй половины 2024 г., когда по прогнозам инфляция приблизится к целевому показателю в 2%.

В настоящее время общая инфляция составляет 3,7%, а базовая инфляция осталась практически неизменной на уровне 4,0%, при этом цены на услуги и коммунальные услуги выросли. Высокая инфляция и процентные ставки привели к сокращению частных инвестиций, создание рабочих мест замед-

лилось. Очевидно, что под влиянием проводимой денежно-кредитной политики инфляция постепенно снизится, и инвестиционные процессы станут более прозрачными и доходными.

Фискальная политика правительства Южной Кореи в 2023 г. также ужесточается. В бюджете на 2023 г. сократился управляемый дефицит бюджета (без учета социального обеспечения) с 5,1% ВВП в 2022 г. до 2,6% ВВП за счет сокращения дискреционных расходов. Предлагаемое правительством «бюджетное правило», которое ограничивает управляемый бюджетный дефицит на уровне 3% ВВП, поможет снизить нарастание давления. Предполагается, что и в 2024 г. бюджетная политика будет слегка сдерживающей в соответствии с планом бюджетной консолидации правительства.

Рост внешнеторгового потенциала может привести к перестройке цепочек поставок корейской экономики. Более быстрое, чем ожидалось, восстановление экономики КНР и ослабление геополитической напряженности, несомненно, улучшат экономические перспективы.

Значительные перспективы экономического развития связаны с ростом объемов оказываемых личных услуг. В стране частное потребление выросло, поскольку были сняты последние ковидные ограничения. В перспективе рассматриваются варианты целенаправленного воздействия на отдельные уязвимые социальные группы. Активизация политики обучения и активации для тех, кто потерял работу, а также укрепление системы социальной защиты будут способствовать перераспределению рабочей силы. Ожидается, что высокий уровень занятости сократится, а уровень безработицы при этом поднимется с исторического минимума. Кроме того, пенсионная реформа должна помочь обеспечить достаточный пенсионный доход и финансовую устойчивость. Бюджетная консолидация должна продолжаться ввиду быстрого старения населения страны на фоне предлагаемых бюджетных правил. Структурные реформы смогут поспособствовать перераспределению рабочей силы и капитала в расширяющиеся отрасли и устранить значительные пробелы в социальной защите.

Таблица 4

Структура и динамика ВВП Республики Корея в 2019–2024 гг.

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023*	2024**
	в текущих ценах, трлн вон	прирост, % (в ценах 2015 г.)				
ВВП в рыночных ценах	1924,5	-0,7	4,1	2,6	1,5	2,1
Частное потребление	935,9	-4,8	3,7	4,3	2,3	2,1
Государственное потребление	328,7	5,1	5,6	4,1	2,6	1,0
Инвестиции в основной капитал	579,0	3,5	2,8	-0,8	1,4	0,9
Конечный внутренний спрос	1843,6	-0,4	3,8	2,6	2,0	1,5
Создание запасов ¹	27,1	-0,8	-0,1	0,1	0,2	0,0
Совокупный внутренний спрос	1870,7	-1,2	3,6	2,7	2,2	1,5
Экспорт товаров и услуг	755,9	-1,7	10,8	3,3	2,4	4,6
Импорт товаров и услуг	702,1	-3,1	10,1	3,7	4,0	3,3
Чистый экспорт ¹	53,8	0,5	0,7	0,0	-0,8	0,5
Справочно						
Дефлятор ВВП	-	1,6	2,5	1,2	1,4	3,0
Индекс потребительских цен	-	0,5	2,5	5,1	3,4	2,6
Индекс потребительских цен, базовый ²	-	0,4	1,4	3,6	3,5	2,4
Уровень безработицы	-	4,0	3,6	2,9	3,0	3,3
Уровень сбережений домохозяйств (% от располагаемого дохода)	-	14,7	13,7	12,0	12,0	11,0
Дефицит бюджета расширенного правительства (% ВВП)	-	-2,7	-0,8	-0,6	-0,1	0,5
Валовой долг расширенного правительства (% ВВП)	-	50,0	50,6	53,4	55,0	57,1
Текущий счет платежного баланса (% ВВП)	-	4,5	4,7	1,7	-0,3	0,3

Примечание: * оценка; ** прогноз

¹ - вклад в изменение реального ВВП, в первой колонке представлен реальный объем; ² - индекс потребительских цен без учета продуктов питания и энергоносителей

Источник: составлено по OECD (2023), *OECD Economic Outlook, Volume 2023 Issue 1*, OECD Publishing, Paris, doi: doi.org/10.1787/ce188438-en (дата обращения 11.09.2023).

Заключение

Анализ рассмотренных проблем в экономиках крупнейших стран Северо-Восточной Азии показывает, что в 2023 г. они, как и вся глобальная система, столкнулись с неблагоприятными внешними условиями экономического характера. Страны СВА-3, используя активную бюджетную стратегию правительств и денежно-кредитную политику центральных банков, устранили значительные негативные последствия пандемии COVID-

19 для экономики в целом, основных отраслей и внешней торговли. Одновременно на рубеже 2022–2023 гг. в них произошло формирование новых устойчивых макроэкономических трендов. Так, в КНР формируется новая стратегия развития, ориентированная на относительное понижение темпов экономического развития до 5% в год. Для Японии и Республики Корея реальными ограничителями для обеспечения экономического роста явились перегрев внутренних рынков по-

требительских товаров и недвижимости, уменьшение положительного влияния внешних взаимодействий на внутреннее развитие, а также негативная демографическая динамика.

В краткосрочной перспективе комплексные прогнозные оценки политического и экономического положения стран мира, которые ежегодно представляются в работах международных экономических организаций, а также российских исследовательских струк-

тур [Россия и мир, 2022], показывают, что в этих странах следует ожидать не-большого позитивного сдвига. Так, ожидается, что темпы прироста экономик стран этого субрегиона вырастут с 3,2% в 2022 г. до 4,5% в 2023 г. Однако в долгосрочной перспективе для перелома тенденции прогнозируемого снижения потенциальных темпов роста в них потребуются реформы, направленные на изменение экономических и социальных параметров развития.

Список источников:

1. Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А. А. Дынкин, В.Г. Барановский ; отв. ред.: Г. И. Мачавариани, И. Я. Кобринская. Москва : ИМЭМО РАН, 2022. 130 с.
2. Цай, Фан. «Новое нормальное состояние» экономики, сфера предложения, структурные реформы. Размышления и предложения экономиста : монография / Ф. Цай ; Китайская академия общественных наук. Москва : Издательство «Весь Мир», 2022. 378 с.
3. Aiyar, Shekhar, Ilyina, Anna, and others (2023). Goeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Staff Discussion Note SDN/2023/001. International Monetary Fund, Washington, DC.
4. Alvarez, Jorge and Andaloussi, Mehdi and Maggi, Chiara and Sollaci, Alexandre and Stuermer, Martin and Topalova, Petia B., Goeconomic Fragmentation and Commodity Markets. IMF Working Paper No. 2023/201, doi: dx.doi.org/10.5089/9798400256059.001 (дата обращения: 01.11.2023)
5. Goldberg, Pinelopi (Penny) and Reed, Tristan, Is the Global Economy Deglobalizing? And If so, Why? And What is Next? (April 2023). NBER Working Paper No. w31115, doi: dx.doi.org/10.2139/ssrn.4413852 (дата обращения: 01.11.2023)
6. International Monetary Fund. 2023. Global Financial Stability Report: Safeguarding Financial Stability amid High Inflation and Geopolitical Risks. Washington, DC, April.
7. International Monetary Fund. 2023. Global Financial Stability Report: Financial and Climate Policies for a High-Interest-Rate Era. Washington, DC, October.
8. International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook update, January 2023.
9. International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook update, July 2023.
10. International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook: Navigating Global Divergences. Washington, DC. October.
11. OECD (2023), OECD Economic Outlook, Volume 2023 Issue 1, OECD Publishing, Paris, doi: doi.org/10.1787/ce188438-en
12. World Bank. 2023. Commodity Markets Outlook: Under the Shadow of Geopolitical Risks, October 2023. Washington, DC: World Bank.
13. World Bank. 2022. Global Economic Prospects, January 2022. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1758-8. P. 65–71.
14. World Bank. 2022. *Global Economic Prospects, June 2022*. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1843-1. P. 93–98.
15. World Bank. 2023. Global Economic Prospects. January 2023. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1906-3
16. World Bank. 2023. Global Economic Prospects, June 2023. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-1951-3.
17. UN. World Economic Situation and Prospects 2023, January 25, 2023.

References:

1. Russia and the World: 2023. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy / project leads – A. A. Dynkin, V.G. Baranovsky ; eds.: G. I. Machavariani, I. Y. Kobrinskaya. Moscow : IMEMO, 2022. 130 p. (In Russ.)
2. Tsai Fan (2022) The “new normal” of the economy, supply side, structural reforms. Reflections and proposals of an economist: monograph. Chinese Academy of Social Sciences. Moscow: Publishing House “Ves Mir”. 378 p. (In Russ.)
3. Aiyar, Shekhar, Ilyina, Anna, and others (2023). Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Staff Discussion Note SDN/2023/001. International Monetary Fund, Washington, DC.
4. Alvarez, Jorge and Andaloussi, Mehdi and Maggi, Chiara and Sollaci, Alexandre and Sturmer, Martin and Topalova, Petia B. (2023) Geoeconomic Fragmentation and Commodity Markets. IMF Working Paper No. 2023/201, doi: dx.doi.org/10.5089/9798400256059.001
5. Goldberg, Pinelopi (Penny) and Reed, Tristan (2023) Is the Global Economy Deglobalizing? And If so, Why? And What is Next? (April 2023). NBER Working Paper No. w31115, URL: dx.doi.org/10.2139/ssrn.4413852
6. International Monetary Fund. 2023. Global Financial Stability Report: Safeguarding Financial Stability amid High Inflation and Geopolitical Risks. Washington, DC, April.
7. International Monetary Fund. 2023. Global Financial Stability Report: Financial and Climate Policies for a High-Interest-Rate Era. Washington, DC, October.
8. International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook update, January 2023.
9. International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook update, July 2023.
10. International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook: Navigating Global Divergences. Washington, DC. October.
11. OECD (2023), OECD Economic Outlook, Volume 2023 Issue 1, OECD Publishing, Paris, doi: doi.org/10.1787/ce188438-en
12. World Bank. 2023. Commodity Markets Outlook: Under the Shadow of Geopolitical Risks, October 2023. Washington, DC: World Bank.
13. World Bank. 2022. Global Economic Prospects, January 2022. Washington, DC: World Bank. doi: [10.1596/978-1-4648-1758-8](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1758-8). P. 65–71.
14. World Bank. 2022. *Global Economic Prospects, June 2022*. Washington, DC: World Bank. doi: [10.1596/978-1-4648-1843-1](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1843-1). P. 93–98.
15. World Bank. 2023. Global Economic Prospects. January 2023. Washington, DC: World Bank. doi: [10.1596/978-1-4648-1906-3](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1906-3)
16. World Bank. 2023. Global Economic Prospects, June 2023. Washington, DC: World Bank. doi: [10.1596/978-1-4648-1951-3](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1951-3).
17. UN. World Economic Situation and Prospects 2023, January 25, 2023.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 27.11.2023.

The article was submitted 06.11.2023; approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 27.11.2023.

Информация об авторе

Д. В. Суслов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

D. V. Suslov – Candidate of Economics, senior research fellow, the Economic Research Institute of FEB RAS.